

Пушкин

Александр Сергеевич

1799 -1837

Классики
за 30 минут

Классики за 30 минут

Пушкин за 30 минут

«Мельников И.В.»

Пушкин за 30 минут / «Мельников И.В.», — (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

Содержание

Жизненный и творческий путь Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837)	5
Детство	5
Лицей	6
Руслан и Людмила (1820)	8
Отрывки из поэмы «Руслан и Людмила»	9
На Юге (1820-1824)	16
«Борис Годунов» (1825)	19
Отрывок из драмы «Борис Годунов»	22
И. И. Пущину (1826)	29
Зимнее утро (1829)	30
Я вас любил (1829)	31
К*** (1829)	32
«Повести Белкина» (1830 г.)	33
Отрывок из произведения «Скупой рыцарь». Старый барон в подвале с сундуками	36
«Моцарт и Сальери»	39
Отрывки из трагедии «Моцарт и Сальери»	40
«Каменный гость»	42
«Пир во время чумы»	43
Отрывок из произведения «Пир во время чумы» (обращение священника к Председателю)	44
Сватовство и свадьба (1829-1830 гг.)	47
Пророк (1826)	48
“Во глубине сибирских руд...”	49
Арион (1827)	50
«Полтава» (1829)	51
«Болдинская осень» 1830 г. в творчестве поэта:	53
«Евгений Онегин» (1830). Краткое содержание по главам и цитаты из текста	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пушкин за 30 минут

Жизненный и творческий путь Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837)

Детство

Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня 1799 года в Москве в дворянской помещицкой семье. В этот день во всех русских церквях били в колокола и проводили молебны в честь появления на свет внуки императора Павла, так что солнце русской поэзии возшло при всеобщем народном ликовании.

Пушкины – древний дворянский (но нетитулованный) род. Поэт проявлял большой интерес к истории своего рода, из его воспоминаний мы знаем о череде вспыльчивых, порой жестоких, с причудами характеров его предков. Самый знаменитый предок по линии матери – прадед Пушкина – африканец Абрам Петрович Ганнибал, «арапа Петра Великого», ставший слугой и воспитанником Петра I, а потом военным инженером и генералом. Мать и отец Пушкина приходились друг другу дальними родственниками. Так, бабушка поэта по матери Мария Алексеевна Ганнибал была в девичестве Пушкиной! Она принадлежала другой ветви рода, чем отец поэта, однако родство было.

Интересно, что в роду Пушкина были поэты – отец, Сергей Львович Пушкин, скорее любитель, и дядя по отцу, Василий Львович, известный поэт из окружения Карамзина. Родные старшая сестра и младший брат Александра Пушкина – Ольга и Лев.

На формирование Александра оказали огромное влияние его родная бабушка по матери Мария Алексеевна, у которой он в детстве жил каждое лето в подмосковном селе Захарове (и в доме которой имел возможность слышать русскую речь), и знаменитая няня Арина Родионовна. Бабушка писала о Саше так: «Не знаю, что выйдет из моего старшего внука. Мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что ничем его не уймешь: из одной крайности в другую бросается, нет у него середины».

Отец и мать Пушкина были приверженцами французского воспитания. Оба они были людьми современными, интересовались литературой; в их московской квартире постоянно собиралась богема: поэты, художники, музыканты. И, хотя влияние французских гувернеров уравновешивали бабушка Мария и няня Арина Родионовна, свои первые в жизни стихи Саша написал по-французски. Его прозвище в Лицее было «француз». С родителями, братом и сестрой Саша никогда не общался по-русски!

Лицей

До 12 лет Александр получал домашнее воспитание, затем продолжил учебу в недавно открытом учебном заведении – Царскосельском Лицее. Это заведение было элитным и по местоположению (Царское село под Петербургом, место летней резиденции русских царей), и по назначению (Лицей считался престижным высшим учебным заведением, готовившим воспитанников к высоким государственным постам), и по малому количеству учеников (30 человек) на солидный преподавательский состав.

Лицейстов воспитывали в духе гуманизма, уважения к личности, чести и дружбы. Телесные наказания отсутствовали. По воспоминаниям преподавателей, Александр не отличался прилежанием, спасали его лишь таланты. Вспыльчивый нрав создавал проблемы в общении. Однако Пушкин был предан лицейским друзьям всю свою жизнь. В Лицее юный Пушкин состоялся и как поэт: он принимал участие в выпусках рукописных журналов лицейской творческой молодежи. «Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени», – вспоминал Пушкин впоследствии.

В лицейский период написаны:

- стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» (1815 г.);
- стихотворение «Безверие» (1817 г.).

Пушкин окончил Лицей в чине коллежского секретаря и, переехав в Петербург, поступил в коллегию иностранных дел. Завертелась бурная светская жизнь. Кроме того, молодой Пушкин состоит в двух литературных обществах: «Арзамас» и «Зеленая лампа».

После окончания Лицея написаны:

- стихотворения «Деревня», «Домовому», «К Чаадаеву»;
- ода «Вольность»;
- поэма «Руслан и Людмила» (1820 г.).

К Чаадаеву (предположительно 1818)

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Это стихотворение имеет около 70 вариантов, подлинник до нас не дошел, сохранились лишь копии. По этой причине некоторые исследователи подвергают авторство Пушкина сомнению. Считается, что стихотворение связано с речью Александра I на Польском сейме 15 марта 1818 г. (отсюда и предположительно год написания). Пушкин критически относился к либеральным обещаниям царя и не верил в мирное введение конституционного правления в России. Стихотворение адресовано другу Пушкина, философу Петру Яковлевичу Чаадаеву. О Чаадаеве известно, что он был участником Бородинского сражения, с 1816 г. служил офицером лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе, был членом масонской ложи. С 1821 г. состоял в тайном обществе декабристов, но участия в его делах не принимал.

Руслан и Людмила (1820)

Эта поэма повествует о любви, отваге и мужестве, о предательстве и волшебстве. Разлученные возлюбленные – Руслан и Людмила после долгих испытаний вновь обретают друг друга. Поэма начинается с того, что после свадьбы, прямо с брачного ложа у молодого мужа князя Руслана украдена жена – Людмила. Похититель неизвестен; позже выясняется, что это коварный волшебник Черномор. На поиски красавицы устремляются Руслан и три его соперника – Рогдай, Ратмир и Фарлаф. Князь Владимир, отец Людмилы, обещал отдать спасителю свою дочь в жены (в наказание Руслану, который ее не уберег) и полцарства.

Разлученные Руслан и Людмила идут к воссоединению через испытания. Для Руслана это встреча с головой богатыря, битва с вероломным Рогдаем, который решил, убив соперника, освободить себе путь к сердцу красавицы, схватка с Черномором. Преодолевает Руслан и время, а его со дня разлуки прошло немало – осень, зима... Он преодолевает даже собственную... смерть от руки Фарлафа, наученного колдуньей Наиной! Воскрешенный волшебником-финном, Руслан дает бой печенегам. Последнее препятствие, разделяющее его с любимой, – волшебный сон – Руслан преодолевает с легкостью.

Людмилу также ждут испытания: заточение в замке старого Черномора, его притязания, от которых она спаслась, завладев шапкой-невидимкой, волшебный сон.

Преодолеть все препятствия на пути к счастью героям помогают волшебные герои и волшебные предметы: старец финн (волшебник), меч, способный убить Черномора, живая и мертвая вода, кольцо, шапка-невидимка.

Юный Пушкин начал работать над поэмой «Руслан и Людмила» в Лицее. Согласно программным установкам литературного общества «Арзамас» русская литература должна была создать национальную богатырскую поэму. После публикации поэмы в мае 1820 года разгорелись споры по поводу языка «Руслана и Людмилы». Хранящий следы французских приемов стихосложения (как известно, первые стихотворные опыты Пушкина были именно на французском, который он знал превосходно), язык поэмы содержит и просторечия, и фольклорные обороты, что вызвало критику – юный талантливый поэт снижал высокий канон жанра поэмы!

Отрывки из поэмы «Руслан и Людмила»

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Песнь первая. Рассказ старца
Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздыхнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоня стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.

18

Одна, красавица младая
На берегу плела венки.
Меня влекла моя судьбина...

Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней – и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Веселы игры пастухов –
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;

19

Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,

Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал – и весла зашумели;
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвля с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь

И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов – и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье всё еще не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» «Ровно сорок лет, –
Был девы роковой ответ, –
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, – мне пищит она, –
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна –
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,

Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признание.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем – я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь – вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла

И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

На Юге (1820-1824)

Юный Пушкин никогда не боялся проявлять свою гражданскую позицию, за что частенько страдал. Гордо подняв голову после победы над Наполеоном, русское национальное самосознание было наполнено идеями гражданской свободы и политического радикализма. Стихи Пушкина были пронизаны этими настроениями. «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает» – таково было решение царя Александра I. Благо, у Пушкина было много друзей, которые приняли участие в его судьбе, и в итоге вместо Сибири Пушкина сослали на юг. Официально это был перевод по службе в г. Екатеринославль под начало генерала И.Н. Инзова.

Служебным рвением Пушкин не отличался. С первых дней в Екатеринославле он заскучал, а кроме того – простудился, искупавшись в Днепре. Для излечения и увеселения друзья (семья Раевских) взяли его в путешествие на Кавказские воды.

Почти все лето 1820 г. Пушкин прожил на Кавказе, где начал поэму «Кавказский пленник». Далее с семьей Раевских через Тамань, Керчь, Феодосию Пушкин прибыл морем в Гурзуф и провел там три недели: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом...» (*из письма Дельвигу*).

Вскоре через Георгиевский монастырь и Бахчисарай Пушкин отправился в Симферополь и далее в Кишинев, ибо туда переехала канцелярия Инзова. Начальник Пушкина, генерал Инзов, относился к нему с отеческой теплотой и не занимал его поручениями. Стиль его «воспитания» был таков: за проступки поэта он сажал того под арест, а потом являлся с бутылкой вина для отеческого увещевания. Живя на квартире у того же Инзова, поэт выезжал оттуда в Киев, с. Каменку, в Одессу, Аккерман, Бендеры, Измаил.

Южные поэмы Пушкина:

- «Кавказский пленник» (1820-1821);
- «Братья – разбойники» (1822);
- «Бахчисарайский фонтан» (1821-1823);
- «Цыганы» (1824).

В Кишиневе же была написана поэма «Гаврилиада», а также начат роман в стихах «Евгений Онегин».

В селе Каменка Пушкин сблизился с членами тайного общества, будущими «декабристами». В Кишиневе был принят в масонскую ложу «Овидий».

В июле 1823 г. Пушкин переехал в Одессу, так как был переведен по службе к наместнику Новороссийского края графу М.С. Воронцову. Пестрое общество и развлечения Одессы очень нравились Пушкину. А вот служебные отношения с Воронцовым складывались плохо, взаимопонимания не было. Воронцов знал, что талантливый поэт послан на юг, удалён из столицы не в наказание, а с «воспитательной» целью. Слишком уж неосмотрительно он вел себя, непочтительно по отношению к властям. Для Воронцова поэт, знавший себе цену и ставящий себя очень высоко, также был возмутителем устоев и нарушителем приличий, хотя Воронцов относился к Пушкину предельно вежливо. В отчетах Воронцов несколько раз высказал мнение, что не видит смысла пребывания Пушкина в Одессе, и сложилось так, что Пушкин вновь был переведен, на сей раз в имение его матери село Михайловское Псковской губернии.

Здесь поэт вновь оказался под надзором властей, да еще и на поруках родителей. Он почувствовал себя связанным по рукам и ногам и даже просил заменить ему псковскую ссылку тюрьмой... но вскоре успокоился, вняв словам друзей. Он осознал и выгоды своего «заклочения» вдали от светских развлечений: здесь условия позволили ему закончить роман «Евгений Онегин». Пушкин наблюдал за помещичьей жизнью своих друзей и соседей из села Тригорского, эти впечатления отразились в романе, который считается энциклопедией тогдашней русской жизни.

В псковский период своей жизни Пушкин вновь, как и в детстве, общается с крестьянами, своей няней Ариной Родионовной, наслаждается картинами русской природы, возвращаясь к своим корням.

По признанию самого поэта, в Михайловском изменился его творческий метод. От романтизма первых лет молодости он перешел к «романтизму истинному» (реализм).

В Михайловском созданы:

- деревенские главы романа «Евгений Онегин»;
- трагедия «Борис Годунов»;
- поэма «Граф Нулин»;
- окончание поэмы «Цыганы»;
- стихотворения: «Деревня», «Подражания Корану», «Пророк», «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновенье...», «Вновь я посетил...» и др.

В Михайловском, где жили его предки, Пушкину хорошо творилось. Казалось, родная земля подпитывала его.

Вскоре умер царь Александр I, и в судьбе Пушкина наступили большие перемены. Новый царь Николай I вызвал срочно поэта в Москву, разрешил жить, где он захочет, и взял на себя лично цензуру его произведений. Жесткая цензура увеличивала сроки издания его сочинений, что немало заботило Пушкина, так как гонорары были единственным источником его дохода.

Пушкин по-прежнему лишен свободы передвижения: ему отказано в поездке на Кавказ (в действующую армию), в поездке за границу. До 1831 г. он живет то в Москве, то в Петербурге.

Зимний вечер (1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем

Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

«Борис Годунов» (1825)

20 февраля 1598 г. Уже месяц, как Борис Годунов затворился вместе со своей сестрой в монастыре, уйдя от мирских дел и отказываясь принять московский престол. Народ объясняет отказ Годунова так, как выгодно ему: «Его страшит сияние престола». Игру Годунова прекрасно понимает «лукавый царедворец» боярин Шуйский, угадывая дальнейшее развитие событий:

Народ ещё повоет да поплачет,
Борис ещё поморщится немного, <...>
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

Иначе «понапрасну лилася кровь царевича-младенца», в смерти которого Шуйский напрямую обвиняет Бориса.

События развиваются так, как предсказывал Шуйский. Народ с плачем умоляет Бориса стать царём. Борис колеблется, затем, прерывая своё монастырское затворничество, принимает «власть Великую со страхом и смиреньем».

Ночь, келья Чудова монастыря, 4 года спустя. Отец Пимен готовится завершить летопись: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». Просыпается молодой инок Григорий, спавший рядом, и жалуется на скуку монашеской жизни, завидуя весёлой «младости» Пимена:

Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив!

Пимен возражает инок: лишь с той поры он ведаёт блаженство, как Господь привел его в монастырь; успокоение в монашеских трудах искали цари Иоанн и Феодор. Григорий спрашивает Пимена о смерти Димитрия-царевича, ровесника молодого инока, – Пимен был свидетелем этого «злого дела», «кровавого греха». Еще горестнее то, что царевича избран на престол. Сейчас царевичу было бы 20 лет, и он правил бы. Этой печальной повестью он и собирается завершить свою летопись и передать дальнейшее её ведение Григорию.

Григорий бежит из монастыря, объявив, что будет «царём на Москве». Об этом докладывает игумен Чудова монастыря патриарху. Патриарх отдаёт приказ поймать беглеца и навечно сослать его в Соловецкий монастырь на вечное поселение.

Царские палаты. Входит царь Борис. Его гнетут тревожные думы. Шестой год он царствует, но ни власть, ни жизнь ему не в радость, мучит совесть: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Корчма на литовской границе. Переодетый в обычное платье Григорий Отрепьев ужинает с бродягами Мисаилом и Варламом. Он спрашивает у хозяйки дорогу на Литву. Входят приставы, у них царский указ с приметами Отрепьева, которого велено изловить и поместить под стражу. Григорий вызывается прочесть указ и, читая его, подменяет свои приметы приметами Мисаила (за 50 лет, большой живот, лысина). Когда обман раскрывается, он, угрожая ножом, сбегает от приставов.

Царские палаты. Борис узнает от Шуйского о самозванце, который выдает себя за Димитрия, а живет в Кракове при дворе, и «король и паны за него». Взволнованный Годунов расспрашивает Шуйского, исследовавшего это дело в Угличе тринадцать лет назад. Успокаивая Бориса, Шуйский подтверждает, что видел убитого царевича, но также упоминает и о нетленности его тела – он посещал труп царевича в соборе три дня, и мертвец выглядел спящим, лик его был ясен и свеж.

Краков. В доме Вишневецкого Григорий (Самозванец) сулит своим будущим сторонникам то, что каждому нужно.

В замке воеводы Мнишка беглый монах влюбляется в дочь воеводы, прекрасную Марину. Он признается ей во всем, так как не желает «делиться с мертвецом любовницей». Но Марина не нуждается в любви беглого монаха, все её помыслы направлены к московскому трону. Оценив «дерзостный обман» Самозванца, она резкими словами растревляет в нем чувство собственного достоинства, и он даёт ей гордую отповедь, называя себя Димитрием.

16 октября 1604 г. Самозванец с полками у литовской границы. Он понимает, что зарвался в жажде мщенья, и теперь на родную землю под его предводительством идут враги. Он успокаивает совесть: «Но пусть мой грех падёт не на меня – А на тебя, Борис-царевича!»

На заседании царской думы речь идёт о том, что Самозванец уже осадил Чернигов, а самое страшное, что слух о Самозванце вызвал «тревогу и сомненье», «на площадях мятежный бродит шёпот». Шуйский вызывается самолично успокоить народ, раскрыв «злой обман бродяги».

21 декабря 1604 г. войско Самозванца одерживает победу над русским войском под Новгород-Северским.

Площадь перед собором в Москве. В соборе только что закончилась обедня, где была провозглашена анафема Григорию, а теперь поют «вечную память» царевичу Димитрию. На площади толпится народ, у собора сидит юродивый Николка. Мальчишки его дразнят и отбирают копеечку. Из собора выходит царь, и Николка жалуется ему: «Николку маленькие дети обижают <...> Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». А потом, в ответ на просьбу царя молиться за него, бросает ему вслед: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит».

Войско Лжедмитрия начисто разбито у Севска, но он вновь собрал силу и угрожает уже с другой стороны. Борис хочет поставить воеводой Басманова. Однако внезапно его поражает недуг: «На троне он сидел и вдруг упал – / Кровь хлынула из уст и из ушей».

Умиравший Борис просит его оставить наедине с царевичем. Горячо любя сына и благословляя его на царствование, Борис стремится всю полноту ответственности за содеянное взять на себя: «Ты царствовать теперь по праву станешь. Я, я за все один отвечу Богу...»

После напутствия царя сыну входят патриарх, бояре, царица с царевной. Умиравший Годунов берет крестную клятву с Басманова и бояр служить Феодору «усердием и правдой».

Ставка. Басманов, высоко вознесённый Феодором (он «начальствует над войском»), беседует с Гаврилой Пушкиным. Тот предлагает Басманову от имени Димитрия «дружбу» и «первый сан в Московском царстве», если воевода провозгласит Димитрия царём. Басманов колеблется.

Москва. Пушкин на Лобном месте обращается к «московским гражданам» от царевича Димитрия с призывом покориться «законному владыке». После него на амвон поднимается мужик, бросая в толпу клич: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! / Ступай! вязать Борисова щенка!» Толпа несется с криками: «Да гибнет род Бориса Годунова!»

Кремль. Дом Бориса взят под стражу. У окна дети Бориса – Феодор и Ксения. Толпа, которая собралась под окнами, жалеет детей царя: «бедные дети, что пташки в клетке», «отец был злодей, а детки невинны». Тем сильнее нравственное потрясение людей, когда после шума, драки, женского визга в доме на крыльце появляется боярин Мосальский с сообщением: «Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мёртвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! Народ безмолвствует».

Отрывок из драмы «Борис Годунов»

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец

(входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, –
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина
(входит)

Царевич!

Самозванец

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Марина

Димитрий! Вы?

Самозванец

Волшебный, сладкий голос!

(Идет к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина

Часы бегут, и дорого мне время –
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дан высказать все то, чем сердце полно.

Марина

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;

А Годунов свои приемлет меры...

Самозванец

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Марина

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванец

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь –
Как! ежели... о страшное сомненье! –
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, –
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Самозванец

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом

Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствоваться! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт – и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо –
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)
Самозванец
(тихо)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье

Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? –

(Вслух.)

Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду

(бросается на колени)

Марина

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;

Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

Самозванец
(встает)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

Марина

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
262
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким

Из верного усердия слуги.

Самозванец

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина

Клянешься ты! итак, должна я верить –
О, верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приимыш езуитов?

Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Димитрий
(гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. –
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

Марина

А если я твой дерзостный обман

Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Марина

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но – слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву –
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

Самозванец

Нет – легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной – черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! – Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

И. И. Пущину (1826)

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Зимнее утро (1829)

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездой севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Я вас любил (1829)

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

К***(1829)

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

«Повести Белкина» (1830 г.)

Это первое завершённое прозаическое произведение Пушкина. Все повести по времени написания относятся к периоду Болдинской осени 1830 года. Согласно датировке автора, повести закончены:

- «Гробовщик» – 9 сентября;
- «Станционный смотритель» – 14 сентября;
- «Барышня-крестьянка» – 20 сентября;
- «Выстрел» – 14 октября;
- «Метель» – 20 октября.

Предисловие «От издателя» датируется предположительно второй половиной октября.

Иван Петрович Белкин – персонаж, вымышленный Пушкиным: молодой помещик, литератор-любитель, умер в 1828 году. Он сочинил 5 повестей. Его краткая биография описывается в предисловии к книге. Помимо цикла повестей, Белкин выступил и как автор хроники «История села Горюхина».

Пушкин писал каждую повесть в том или ином жанре, современном ему: «Выстрел» – реализм; «Метель», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» – сентиментализм; «Гробовщик» – готическая повесть. В произведениях появляется образ «маленького человека» («Станционный смотритель»).

От издателя

Вступление, содержащее якобы издательское пояснение и письмо некоего помещика, соседа Белкина, с рассказом о нем.

Взявшись хлопотать об издании Повестей И. П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного автора и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Трафилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но, к сожалению, ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком. Она советовала нам отнестись по сему предмету к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу. Мы последовали сему совету, и на письмо наше получили нижеследующий желаемый ответ. Помещаем его безо всяких перемен и примечаний, как драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем, как и весьма достаточное биографическое известие.

Милостивый Государь мой!¹

¹ Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает. Кроме повестей, о которых в письме вашем упомянуть изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребы. Таким образом прошлою зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ. Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения. Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как-то мозолей и тому подобного. Он скончался на моих руках на 30-м году от рождения и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей. Иван Петрович

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне свое желание иметь подробное известие о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям. С великим моим удовольствием исполняю сие ваше желание и препровождаю к вам, милостивый государь мой, все, что из его разговоров, а также из собственных моих наблюдений запомнить могу.

Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-майор Петр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. Он был человек не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смысленный. Сын их получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 году вступил он в службу в пехотный егерский полк (числом не упомяну), в коем и находился до самого 1823 года. Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину.

Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне его (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она всем была кума, ее вовсе не боялись; ими выбранный староста до того им потворствовал, плутуя заодно, что Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки.

Быв приятель покойному родителю Ивана Петровича, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный, порядок. Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута старосту, и в присутствии Ивана Петровича занялся рассмотрением оных. Молодой хозяин сначала стал следовать за мною со всевозможным вниманием и прилежностью; но как по счетам оказалось, что в последние два года число крестьян умножилось, число же дворовых птиц и домашнего скота нарочито уменьшилось, то Иван Петрович довольствовался сим первым сведением и далее меня не слушал, и в ту самую минуту, как я своими разысканиями и строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привел и к совершенному безмолвию принудил, с великою моею досадою услышал я Ивана Петровича крепко храпящего на своем стуле. С тех пор перестал я вмешиваться в его хозяйственные распоряжения и передал его дела (как и он сам) распоряжению всевышнего.

Сие дружеских наших сношений несколько, впрочем, не расстроило; ибо я, соболезнуя его слабости и пагубному нерадению, общему молодым нашим дворянам, искренно любил Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека столь кроткого и честного. С своей стороны, Иван Петрович оказывал уважение к моим летам и сердечно был ко

был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав. Вот, милостивый государь мой, все, что мог я припомнить касательно образа жизни, занятий, нрава и наружности покойного соседа и приятеля моего. Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать; ибо, хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступать полагаю излишним и в мои лета неприличным. С истинным моим почтением и проч. 1830 году Ноября 16. Село Ненарадово Почитая долгом уважить волю почтенного друга автора нашего, приносим ему глубочайшую благодарность за доставленные нам известия и надеемся, что публика оценит их искренность и добродушие. А. П.

мне привержен. До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою, хотя ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом мы большею частью друг с другом не сходствовали.

Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случилось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почтеться может); к женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая².

«Маленькие трагедии» (1830 г.)

Этот цикл коротких пьес А. С. Пушкина состоит из четырех произведений, и тема каждого – какой-либо порок или страсть.

«Скупой рыцарь»

Молодой рыцарь Альбер жалуется своему слуге Ивану на безденежье, на скупость старого отца-барона и на нежелание ростовщика-еврея Соломона ссудить ему денег взаймы. Ростовщик намекает Альберту, что он мог бы сам помочь себе получить наследство скорее, отравив скупого отца. Рыцарь в негодовании изгоняет Соломона вон.

Тем временем старый барон в подземелье чахнет над сокровищами. Он ласково разговаривает с сундуками, где хранится золото, вспоминая историю каждой монетки. Мы понимаем, что перед нами – безумный, охваченный жадной золотом подлец. Барон негодует по поводу того, что наследник когда-нибудь спустит все накопленное им с таким трудом. Альбер подает местному герцогу жалобу на родителя; чтобы отец содержал его как положено, а не «как мышь, рожденную в подполье». Спрятавшись в соседней комнате, он подслушивает беседу герцога с отцом.

Когда старый барон начинает обвинять сына в намерении убить и обокрасть его, Альбер врывается в залу. Отец бросает сыну перчатку, тот с готовностью принимает вызов. Герцог, с отвращением наблюдающий эту сцену, со словами «ужасный век, ужасные сердца» выгоняет обоих из своего дворца.

Последние мысли умирающего старика вновь обращены к стяжательству: «Где ключи? Ключи, ключи мои!..»

В жизни Пушкина была своя драма общения со скупым отцом, возможно, потому и возник у него подобный литературный замысел. В январе 1826 года в записках поэта пометка: «Жид и сын. Граф»). Пушкин опубликовал «Скупого рыцаря» только в 1836 году, в первом выпуске журнала «Современника» за подписью Р. (французский инициал фамилии Пушкина). Публикация была обставлена как литературная мистификация, с подзаголовком: «Сцена из Ченстоновой трагикомедии: The Covetous Knight». На самом деле у Ченстоны нет произведения с таким названием.

² В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукой автора надписано: слышано мною от *такой-то особы* (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей. «Смотритель» рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., «Выстрел» подполковником И. Л. П., «Гробовщик» приказчиком Б. В., «Метель» и «Барышня» девицею К. И. Т.

Отрывок из произведения «Скупой рыцарь». Старый барон в подвале с сундуками

Сцена вторая. Подвал.

Барон

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился – и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм – и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Кажется, не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо –
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп – я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.
(Хочет отпереть сундук.)
Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за золото отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.
(Отпирает сундук.)
Вот мое блаженство!
(Всыпает деньги.)
Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груди.
(Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.)
Я царствую!.. Какой волшебный блеск!

Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украл ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные дырявые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит –
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..

«Моцарт и Сальери»

Это третья (по пушкинскому счету) из цикла маленьких трагедий. Задумана и предварительно набросана в Михайловском в 1826 г. Написана в период Первой Болдинской осени (1830 год). Известно, что замысел будущих «Маленьких трагедий» возник у А. С. Пушкина после завершения работы над трагедией «Борис Годунов». До наших дней дошел перечень задуманных драматических сюжетов, которые Пушкин записал в определенном порядке: «Скупой, Ромул и Рем, Моцарт и Сальери, Дон Жуан, Иисус, Беральд Савойский, Павел Первый, Влюблённый бес, Дмитрий и Марина, Курбский».

Первоначальное название трагедии «Моцарт и Сальери» – «Зависть», однако потом Пушкин отказался от такого «прямолинейного» названия, поскольку оно задвигало на второй план философские мотивы убийства одним творцом другого, выдвигая вперед муки терзающегося завистника. А ведь на убийство Сальери толкает не только чувство зависти, но и другие понятия – в частности, о собственном избранничестве, о справедливости.

В 1824–1825 гг. в печати широко распространилось известие, что Сальери на смертном одре признался в отравлении им Моцарта. Друзья Сальери выступили против этого, как против клеветы, считая его признание результатом психического расстройства. В бумагах Пушкина сохранилась следующая заметка, набросанная им в начале 30-х годов:

«В первое представление „Дон Жуана“, в то время, когда весь театр упивался гармонией Моцарта, раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистью. Сальери умер 8 лет тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении – в отравлении Моцарта. Завистник, который мог освистать „Дон Жуана“, мог отравить его творца».

К какому типу относится Сальери? В мире искусства он – середняк, ни гений, ни маленький человек. Райские звуки ранят его слух: может, потому, что сам он не в состоянии создать ничего подобного, а по его идее – потому, что человечество нужно спасти от гениальных творений, ведь оно, состоящее из «чад праха», неспособно воспринимать. К тому же он, Сальери, призван восстановить справедливость для таких, как он. По сути, он не умеет любить красоту.

Моцарт, напротив, не думает о своей избранности, он ценит все радости жизни: сытную еду, игру слепого, никому не известного скрипача, перед которым гениальный композитор застывает, замороженный. Моцарт не подозревает о роковом замысле Сальери, поэтому без всяких колебаний принимает протянутую ему «чашу дружбы», ведь ему чуждо само представление о преступлении. Истина, изреченная Моцартом «**Гений и злодейство – две вещи несовместные**», обозначает центральную идею текста. Сальери так и не понял эту истину. Он приводит исторические примеры того, как во имя достижения великой цели творец шел на преступление.

Отрывки из трагедии «Моцарт и Сальери»

СЦЕНА I

*Комната.
Сальери*

«Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряженным постоянством

Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! – ниже, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне – сам скажу – я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. – О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!»

«Каменный гость»

Пьеса из цикла «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина, написанная в период «болдинской осени». Прототип героя – обольститель, дуэлянт Дон Жуан из Севильи.

Впервые комедийный до сих пор персонаж – Дон Жуан – предстает в замысле Пушкина как трагический герой. Встретив Дону Анну, Дон Жуан полюбил ее, а с ней и добродетель. Но судьбою Дон Жуану предназначено быть распутником, обольстителем. Судьбу не переступишь, гибели герою не избежать.

Краткое содержание

Дон Жуан, изгнанный из Мадрида за убийство соперников, тайно возвращается туда со своим верным слугой Лепорелло и укрывается при монастырском кладбище в окрестностях Мадрида. Он не собирается отказываться от прежнего образа жизни. От монаха Дон Жуан узнает, что это кладбище каждый день посещает Дона Анна, вдова некогда убитого им на дуэли командора де Сальва. Анна понравилась Дон Жуану.

Тем временем в доме актрисы Лауры собрались гости. Лаура исполняет песню, все выражают свой восторг. Но один из гостей, Дон Карлос, узнав, что слова песни сочинены ее прежним возлюбленным Дон Жуаном, приходит в бешенство – этот негодяй убил его родного брата! Гости упрощают Лауру не прогнать дерзкого кавалера, да он и самой ей понравился. Оставив Дона Карлоса у себя после ухода гостей, она продолжает с ним беседу, как вдруг появляется Дон Жуан (который тайно проник в Мадрид). Лаура радостно бросается к нему. Дон Карлос вновь вспылит – он требует поединка, и немедленно! Соперники бьются, и Дон Жуан убивает Дона Карлоса.

Убив Дона Карлоса, Дон Жуан опять укрывается в монастыре. Каждый день к могиле мужа-командора приходит Дона Анна. Дон Жуан под чужим именем знакомится с ней и своими речами опытного обольстителя добивается того, что Дона Анна соглашается на свидание у себя в доме. Но победы Дон Жуану мало – он, как и обычно, бросает дерзкий вызов судьбе: обратившись к каменной статуе командора, наглец приглашает его на завтрашнее свидание, чтобы тот стоял во время встречи на часах. К ужасу Дона Жуана и Лепорелло, каменная статуя в ответ на приглашение кивает головой.

Комната в доме Доны Анны. Дон Жуан обращается к Доне Анне с пылкими признаниями, молодая женщина взволнованно его слушает. Но роковая тайна готова сорваться с уст героя: он виновен перед любимой, но боится, что она его возненавидит после признания! Анна настаивает. Дон Жуан, убедившись, что успел вызвать ответное чувство, открывает свое имя. Да, он убил командора, но не раскаивается в этом и готов умереть от ее руки. Но в сердце Доны Анны нет ненависти, она чувствует лишь любовь. Ужасно, что эта любовь – к убийце ее мужа! Дон Жуан – вновь победитель, но в этот момент слышатся тяжелые шаги, и появляется статуя командора. Дона Анна падает в обморок, а командор протягивает руку Дону Жуану, и тот, верный своему бесстрашию и всегда готовый поиграть с судьбой, отвечает на рукопожатие каменной статуи, протягивая руку в ответ. И тут же оба проваливаются. Куда же?

«Пир во время чумы»

Это четвёртая из цикла маленьких трагедий Пушкина. Здесь поэт выступил в роли переводчика, чей гениальный перевод затмил оригинал и стал уникальным произведением. Пьеса, состоящая из одной сцены, – перевод фрагмента из пьесы английского поэта Джона Вильсона «Чумной город», посвященной лондонской чуме 1665 года. Поэт заинтересовался этой темой, после того как в 1830 году Пушкина в Болдино столкнулся с эпидемией холеры (в письмах он называл ее чумой).

Сюжет таков: в городе царит эпидемия чумы, однако несколько человек накрывают стол на улице и начинают пировать и петь унылые песни. Во время пира к ним подходит священник, упрекает их в кощунстве и безбожности и просит прекратить пир и разойтись по домам, однако Вальсингам (один из молодых людей, которого называют Председателем) возражает ему, что у них мрачные дома, а юность любит радость. Тогда священник напоминает ему, что еще совсем недавно он плакал над могилами своих матери и жены. Священник уходит, пир продолжается, а Вальсингам остается в задумчивости. Его тревожит дух любимой матери.

Отрывок из произведения «Пир во время чумы» (обращение священника к Председателю)

Священник

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов – и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моления
Не освятили общей, смертной ямы, –
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

Священник

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Председатель

Дома
У нас печальны – юность любит радость.

Священник

Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,

В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких вздыханий?
Ступай за мной!

Председатель

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю –
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня, господь)
Погибшего, но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе, – поздно, слышу голос твой,
Меня зовущий, – признаю усилья
Меня спасти... старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель
(встает)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядающей, бледною рукой – оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным –
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже...

Женский голос

Он сумасшедший, –
Он бредит о жене похороненной!

Священник

Пойдем, пойдем...

Председатель

Отец мой, ради бога,
Оставь меня!

Священник

Спаси тебя господь!
Прости, мой сын.

Уходит. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость.

Сватовство и свадьба (1829-1830 гг.)

В мае 1829 г. в Москве Александр Сергеевич предлагает руку и сердце юной красавице Наталии Николаевне Гончаровой. Неопределенный ответ больно ранил его, и чтобы унять душевное волнение, поэт самовольно, не испрашивая разрешения властей, уехал на Кавказ. Это путешествие по военно-грузинской дороге со всеми автобиографическими деталями описано в произведении «Путешествие в Арзрум» (1829 г.).

Такой проступок, конечно, не мог сойти Пушкину с рук: по возвращении его ждало объяснение с шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом. Над поэтом учрежден тайный надзор.

1825-1829-е годы:

- Трагедия «Борис Годунов» (1825);
- «Граф Нулин» (1825);
- пятая и шестая главы «Евгения Онегина» (1826);
- стихотворения «Пророк», «И. И. Пущину» (1826);
- роман «Арап Петра Великого» (1827);
- стихотворения «В Сибирь», «Арион» (1827);
- историческая поэма «Полтава» (1828);
- седьмая глава «Евгения Онегина» (1828);
- стихотворения «Анчар», «Поэт и толпа» (1828);
- стихотворения «На холмах Грузии...», «Кавказ», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

Пророк (1826)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1827

“Во глубине сибирских руд...”

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Арион (1827)

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

«Полтава» (1829)

Князь Кочубей богат, его владенья необозримы. Но пуще всех богатств дорога ему дочь – красавица Мария, первая во всей Полтаве. К ней сватается много женихов, но сердце ее непреклонно. Наконец, прибыли сваты от самого гетмана Мазепы. Гетман уже стар, к тому же он – крестный отец Марии! Родители красавицы в негодовании. Мать успокаивает дочь, мол, никогда они не согласятся на такой брак. Но девушка почему-то лишается чувств. Истина выясняется позже, когда спустя три дня Мария бежит к Мазепе. Родители понимают, что она влюблена в гетмана.

Политическая обстановка тех времен была такова: Мазепа оставался верным подданным Петра Первого в его противостоянии со Швецией (и королем шведским Карлом XII). Находились сторонники перехода Украины на сторону шведского короля, но казалось, Мазепа не слушал их. Молодежь, окружавшая старого гетмана, мечтала объединиться со шведскими войсками и вместе ударить по Москве. Не открываясь никому, Мазепа и сам давно вынашивает план измены. И кое-кто знает об этом плане с тех самых пор, как вероломные мысли только начали приходить гетману в голову. Этот поверенный – бывший друг Мазепы – Кочубей. Теперь его одолевает жажда мести за оскорбление чести любимой дочери, за предательство дружбы, и он решает послать гонца с докладом к Петру Великому. Гонца – один из полтавских казаков, любящий Марию, даже несмотря на ее позор.

Мазепа плетет интриги против Москвы. Русский царь получил донос, но не придал ему большого значения. О доносе узнает и сам Мазепа. Оправдываясь перед Петром Первым, он убеждает его в своей невиновности и требует казнить доносчика – своего бывшего друга и отца своей возлюбленной – Кочубея. Любящая Мария еще не знает страшную тайну. Обиженная холодностью Мазепы, она расспрашивает его, и в конце концов гетман признается ей в планах восстания против владычества Москвы. Мария гордится, ей по душе представлять возлюбленного в царском венце. Этого мало: Мазепа желает получить однозначный ответ на страшный вопрос: если придется выбирать между отцом и возлюбленным, чью смерть она выберет? И вот долгожданный ответ получен.

В замке в Белой Церкви сидит в цепях Кочубей и ждет смерти. Его угнетают мысли о том, что ему некому завещать свою месть обидчику. В пытках принужден он был сознаться в своем коварстве, хотя на самом деле он невиновен. Отдых последней ночи опять нарушен – пришел кровожадный Орлик, узнать, где спрятаны сокровища Кочубея. Мазепа не находит покоя, и эту ночь проводит без сна. Его мучат мысли, что скоро Мария узнает обо всем.

Под утро в спальню девушки прокралась мать. Она открывает Марии страшную тайну и умоляет просить Мазепу пощадить отца. Мария потрясена, долго не может понять, что происходит, ведь она до сих пор была в неведении.

В это время на поле привозят Кочубея и Искру, палач рубит им головы. Народ постепенно расходится. Тут появляются две женщины, они бегут к месту казни, но им говорят: поздно. После этого Мария исчезает, слуги гетмана не могут нигде ее найти.

Мазепа переходит на сторону Карла, наступает час действовать, и он готов поставить свои полки против Петра. В ночь накануне битвы Мазепа в разговоре с Орликом признается, что Карл не кажется ему достойным противником Петра, что он больше не уверен в нем. Но и перейти обратно на сторону русского царя он не хочет – Мазепа мстит за старую обиду, когда на пиру Петр схватил его за усы.

Начинается Полтавская битва, где превосходство принадлежит русским. На Мазепу совершается покушение – молодой казак мчится на него с саблей. Казак подстрелен, и перед смертью он шепчет имя Марии. Петр одержал в битве верх, он пирует в шатре. А Мазепа

и Карл скачут верхом, спасаясь бегством. Они оказываются в хуторе, откуда Мазепа увел Марию. Здесь он и встречается с ней – Мария сошла с ума и не узнает его.

Миновали годы. В истории остался Петр Великий, имена Мазепы, Кочубея помнят их потомки, а о бедной грешнице Марии почти забыли.

6 мая 1830 г. состоялась помолвка Пушкина с Натальей Гончаровой. Отец выделил ему деревеньку Кистеневку с 200 душами крестьян, расположенную в Нижегородской губернии, вблизи от собственного его имения с. Болдино. Поэт отправился туда, чтобы оформить дела по введению во владение имением, рассчитывая быстро управиться, затем заложить имение и вернуться в Москву, чтобы справить свадьбу. Однако начавшаяся в Москве эпидемия холеры и установленные повсюду карантинные задержали Пушкина в Болдине с 7 сентября по 2 декабря 1830 г. Он тревожился за невесту, но – ничего не поделаешь – задержался в Болдине на целую осень. За эту осень мировая литература будет всегда ему благодарна. Болдинская осень ознаменована огромным творческим подъемом поэта. Первые его стихотворения в Болдине – «Бесы» и «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»).

«Болдинская осень» 1830 г. в творчестве поэта:

- «Повести Белкина»;
- «Маленькие трагедии»: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»;
- поэма «Домик в Коломне»;
- закончен роман «Евгений Онегин» (кроме письма Онегина);
- повесть «История села Горюхина»;
- «Сказка о попе и работнике его Балде»;
- критические статьи;
- стихотворения.

«Евгений Онегин» (1830). Краткое содержание по главам и цитаты из текста

Глава первая

Евгений Онегин, молодой дворянин, едет из Петербурга в деревню: его богатый дядя тяжело болен. Читатель впервые знакомится с Евгением:

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
коснуться до всего слегка,
с ученым видом знатока.
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм...

Онегину 24 года, он получил домашнее образование от французских гувернёров.

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха...

Более всего усердия молодой человек проявил в изучении «науки страсти нежной»:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!..

А кроме того, молодой человек безупречно выглядит:

Острижен по последней моде;
Как dandy лондонский одет...

Образ жизни героя обычен для молодых людей его круга. Это дни, проведенные в светских развлечениях: бал, театр, светский вечер, ресторан. У Онегина нет привычки к труду: ни к физическому, ни к интеллектуальному. Зато много времени и сил он посвящает уходу за своей внешностью. Счастлив ли наш герой? Нет.

...рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;

Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели...

Отец Евгения умер, его имущество полностью досталось кредиторам. Вскоре после этого Онегин и получил известие о том, что при смерти находится его дядя, желающий оставить племяннику наследство. Приехав в деревню, Онегин узнает, что дядя уже скончался, а он стал «заводов, вод, лесов, земель хозяин полный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.